

Валентина
ПАНИНА

ОМУТ

18+

Валентина Георгиевна Панина

Омут

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51848534

SelfPub; 2020

Аннотация

Вера росла тихой девочкой с большими серыми глазами, вопросительно смотрящими на мир. Отец ещё до рождения Веры вступил в секту. Жену и дочь он тоже заставил молиться. Однажды отец услышал разговор Веры с матерью о том, что Вере нравится одноклассник Тимофей. Они любили друг друга первой робкой любовью, но Верин отец, узнав об этом, надругался над своей дочерью, и теперь их жизнь стала сплошной чёрной полосой, омут, из которого нет выхода. Чем закончилась эта история о трогательной первой любви Веры и Тимофея, которая растянулась на много лет, вы узнаете, прочитав роман.

Содержание

Глава I	4
Глава II	27
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Глава I

Красивая рыжеволосая девочка Вера, как и все дети, появилась на свет для счастья и радости. Но её отец ещё до рождения дочери вступил в секту, что постепенно полностью деформировало его личность, он стал фанатиком с садистскими наклонностями, морально разложившимся человеком. Сделав из жены и дочери затворниц, Фёдор постоянно избивал их за «непослушание». А узнав о том, что Вере нравится одноклассник Тимофей, и вовсе совершил адский грех, вмиг превратив жизнь близких людей в кошмар. Чем закончилась эта история о трогательной первой любви Веры и Тимофея, которая растянулась на годы, вы узнаете, прочитав роман «Омут».

Большое озеро протянулось далеко вдоль рощи. Яркая полная луна освещала окрестности вокруг. Деревья, качая своими пышными ветвями, создавали странные шевелящиеся тени, как будто между ними бегали и перешёптывались маленькие безобразные существа, а в темноте притаились страшные чудища. Вода в озере была чёрной, и это жуткое зрелище нарушал лёгкий ветерок, который волновал поверхность воды, и появляющаяся рябь поблёскивала при лунном свете волшебным и завораживающим образом. Рогоз, растущий по краям омута, таинственно шелестел своими длинными листьями. Озеро притягивало к себе как магнитом и заманивало

войти в его тёмные воды, обещая покой и решение всех проблем. В деревне его называли Чёртово озеро, говорили, что стоит подойти к нему поближе и посмотреть на воду, как озеро напускает чары и человек уже не может оттуда уйти, его как будто неведомая сила затягивает туда. Деревня стояла на высоком берегу широкой реки, на которой деревенские мужики рыбачили круглый год. Рыбы здесь было много и даже водился хариус, уж на что рыба привередливая, и водичку ей надо прохладненькую, и чтобы чистенькая была, без всяких химических примесей, а иначе извините... Но здесь условия для неё были идеальные: вода чистая, проточная, и поэтому хариуса всегда было много. Летом ребятня, да и многие взрослые ходили на речку купаться и рыбачить. Берег там песчаный, правда, спуск к берегу крутой, но вытопанные годами тропинки не зарастали травой, вились они через заросли тальника и черёмухи.

На краю деревни стоял крепкий бревенчатый дом с надворными постройками, а за домом был большой огород, соток двадцать, и всё это хозяйство было огорожено по периметру жердями, а двор обнесён двухметровыми досками, из-за которых двор был не виден. Хозяин дома, Скоробогатов Фёдор Михайлович, был здоровым мужиком лет тридцати, косая сажень в плечах, с бородой и пышной шевелюрой. Вид у него с некоторых пор был постоянно суровый, как будто весь мир ему задолжал. Федька Скоробогатов женился пять лет назад, построил себе дом и отделился от родите-

лей. Жена Александра, городская жительница, небольшого роста, стройная, ярко-рыжие волосы пышной волной спускались ниже талии, она укладывала их на голове в незамысловатую причёску, закалывая большими заколками. Несколько лет они жили дружно, любили друг друга с первой встречи. Во время строительства дома Александра во всём помогала мужу. Ей нравился их большой дом, который они строили. Она в мечтах представляла, каким будет их уютное семейное гнёздышко. Они поженились, когда ему было двадцать пять, а Александре двадцать. Познакомились случайно, Фёдор предложил девушке помочь донести тяжёлый пакет до дома, а вскоре они поженились. Фёдор сразу забрал Александру из города, и какое-то время они жили у его родителей, пока он построил свой дом. Когда закончилось строительство, отделка, благоустройство, они от родителей перебрались в свой дом, завели корову и бычка, с десятков овец, пару поросят и кур. Для такого большого хозяйства нужно было заготавливать много сена, и Фёдор купил коня. Он сказал, что всегда мечтал, чтобы у него было большое хозяйство. Александре было тяжело без привычки управляться с таким хозяйством, но она старалась везде успеть. Вдруг стала замечать, как мрачно Фёдор смотрит на неё. Она не могла понять, что происходит, и решила выяснить причину его недовольствия:

– Фёдор! Я не пойму, что я не так делаю? Ты иногда так сурово смотришь на меня.

– А как я должен смотреть? Пять лет живём, а детей до сих пор нет! Ты больна? Тогда надо было сразу сказать.

– Да здорова я! С чего ты решил, что я больна?

– Тогда почему детей у нас до сих пор нет? Сходи к врачу.

Фёдор настоял, чтобы Александра легла в больницу на обследование. Он переживал за жену и очень много времени проводил у больницы, ему казалось, пока он рядом с ней, всё будет хорошо, она вылечится, и у них появятся дети. Он каждый день приезжал к Александре и сидел под её окнами. Как-то в больничном парке появились две старушки, и подружились с Фёдором. Он сам не понял, как поделился с ними своей проблемой. Старушки, сопереживая и успокаивая его своими ласковыми тихими голосами, буквально ходили за ним по пятам и убеждали его, что ради здоровья жены и появления будущих наследников он просто обязан вступить в секту и молиться о них. Его уговорили прийти на собрание и просто послушать. В один из дней Фёдора привели на собрание, которое состояло практически из одних женщин разных возрастов, не считая нескольких стариков; обещали золотые горы. Александра, узнав, что муж стал посещать какую-то секту, возмутилась: – Фёдор?! Ты же взрослый человек, зачем тебе это надо? Бросай эту хрень, пока не поздно! Фёдор посмотрел на Александру тяжёлым взглядом и сказал:

– Я там молюсь о твоём здоровье, чтобы Бог послал нам детей, говорят, помогает. А будешь всякие непотребные слова говорить – накажу.

– Но врачи сказали, что у меня всё в порядке, Фёдор, пожалуйста, не ходи больше на эти собрания.

– Ты лучше ребёнка роди, чем мне указывать!

Александр выписали из больницы, сказав, что беспокоиться не о чем, здоровье у неё в порядке, а то, что детей пока нет, ничего страшного – будут, просто её организм ещё не готов к этому. Фёдор продолжал ездить в город на свои собрания. Через некоторое время она поняла, что беременна, сообщила свою радостную весть мужу. Фёдор на радостях поделился этой новостью со старушками. Бабульки сектантки радостно закивали головами:

– Видишь, Фёдор, это всё благодаря тому, что ты нас послушал и вымолил у Заступника здоровье жены и себе наследников. После этого Фёдор не только не бросил поездки в город на моления, а ещё неистовее стал молиться. У них родилась дочь Верочка, они были счастливы. Когда дочь подросла, они все вместе ездили в город, ходили в парк, в кафе, ели мороженое, часто навещали бабушек и дедушек. Шло время, теперь они всё реже выезжали куда-нибудь, а потом и вовсе прекратились всякие развлекательные поездки. Фёдор построил у себя во дворе домик для молений, чтобы не ездить в город, и теперь все старушки стекались по выходным к нему. Там, в этом домике, они молились неистово и подолгу. Фёдор стал настаивать, чтобы Александра тоже начала читать Библию и специальные книжки, которые адепты секты распространяли везде. Она сначала возмущалась, отказыва-

лась, а когда заявила, что возьмёт дочь и уедет в город, Фёдор взялся за вожжи. От неожиданности Александра, совершенно не понимая, что происходит, села на крыльцо и удивлённо смотрела на все приготовления Фёдора. Он сложил вожжи в несколько раз, зачем-то намочил в воде и, подойдя к ней, хлестнул неожиданно со всей дури. Она от боли сложилась пополам, а потом он хлестал её всё сильнее и сильнее, пока женщина не потеряла сознание. Очнулась Александра на кровати ночью. В доме была тишина, Фёдора рядом не было. Потом оказалось, что спал он в дочкиной комнате. Дóктора муж вызывать не стал, она отлежалась, а когда стала вставать, заставил читать Библию и молиться. Когда подросла Вера, Фёдор стал учить и её молиться. Девочка росла послушной и делала всё, что велел отец, а Александре всё это не нравилось, но она молчала и думала, как же изменить эту жизнь. Вера подросла и стала ходить в школу, Александра её провожала и, пока они шли до школы, рассказывала ей много интересного о том времени, когда она ещё не была замужем, о своих подругах, о фильмах, театре.

– Верочка, – говорила Александра, – ты не верь тому, что говорит отец про конец света, это всё неправда. Никакой конец света не наступит, и те, кто ходит на эти собрания, совсем даже не избранные, а обманщики, но читать молитвы мы должны, чтобы отец не рассердился. Он не должен знать, что я тебе про них так говорю, иначе он забудёт меня до смерти.

Вера матери верила, потому что помнила времена, когда они вместе ездили в парк и часто бывали у бабушек. Папа тогда приходил с работы весёлый, шумный, приносил гостинцы Верочке, мама радовалась его приходу, и глаза её блестели. Он работал механизатором, целыми днями в полях, загорелый, сильный, красивый. Вера росла тихой, спокойной девочкой. У неё были большие серые глаза, вопрошительно смотрящие на мир, только вид был какой-то запуганный. Рослая, в отца, а волосы достались от матери, огненно-рыжая копна опускалась, как и у матери, ниже пояса. Вера заплетала их в тугую толстую косу. В школе друзей и подруг у Веры не было, потому что отец ей не разрешал ни с кем общаться и строго следил за этим, говоря:

– Верка, не наводи на грех, узнаю, что водишь дружбу с неверующими, пожалеешь, что на свет родилась.

Вера в школе была середнячком, звёзд с неба не хватала, но и отстающей не была. Подруг у неё не было, единственная девочка, которая с ней общалась, – соседка по парте Галина Непийвода. Её одноклассники всегда смеялись над ней из-за фамилии, и поэтому у неё тоже не было подруг, она общалась только с теми, кто её никогда не дразнил. Там, на Украине, откуда она приехала с родителями и бабушкой, эта фамилия распространённая, а здесь была в диковинку, и народ первое время веселился, но чисто по-соседски, беззлобно. Все одноклассники знали, что у Веры семья сектантская. У Веры в классе был мальчик, Тимофей Соколов, рослый, об-

щительный и всегда весёлый, он каждое утро с пятого класса подходил к Вере и вместо приветствия спрашивал:

– Молилась ли ты на ночь, Дездемона?

Вера сначала обиженно отворачивалась и уходила от него, а когда стала постарше, начала отвечать, чтобы он отстал.

– Молилась, придурок, – надув губы и опустив голову, говорила Вера. Он, весело заржав, говорил:

– Верующим ругаться запрещено, грех большой.

– Отмолю... – обещала Вера.

Он уходил и больше не подходил к ней до следующего утра, но, когда она заболела и не приходила в школу, обеспокоенно спрашивал у Галины:

– Галка, почему Веры нет в школе?

– А я ей нянька?

– А по-человечески поинтересоваться не пробовала?

– Не пробовала!

– Так попробуй. Сходи после школы и узнай, что случилось.

– Ладно, схожу, Отелло.

– Я не Отелло.

– А она тебе не Дездемона и не доставай её своими дурацкими вопросами. – Да я же шучу, Галка.

– Она и так переживает, что её заставляют молиться, а ещё ты тут. А вообще, ты знаешь, вряд ли я смогу узнать, почему её не было в школе.

– Почему? Вы же подруги?

– Они к себе никого не пускают и ни с кем не разговаривают.

– Так придумай что-нибудь. Скажи, классная попросила узнать, почему Вера не пришла в школу.

– Ладно, я попробую...

Однажды Вера пришла из школы на пятнадцать минут позднее, чем обычно, и отец взялся за вожжи. Это было жутко больно и обидно, но Вера, стиснув зубы, не издала ни единого звука, от этого отец ещё больше озверел и перестал соображать, что делает. Александра, боясь, что он забудет дочь до смерти, кинулась её спасать, но он отшвырнул её рукой. Она отлетела и ударилась головой о перила крыльца. Прижав руку к ушибу, увидела на ладони кровь и, схватив попавшее под руку полено, огрела мужа сзади по голове. Фёдор бросил вожжи и обхватил голову руками, зашатался и сел на лавочку. Удар по голове его отрезвил, и он, посмотрев на дочь, увидел, что на ней порвана одежда, но жалости в его глазах не наблюдалось. С ним вообще в последнее время что-то творилось неладное. Он быстро раздражался, ему хотелось всё крушить. Жена и дочь его раздражали, он всё больше времени проводил в своей молельне.

Посидев немного на лавочке, встал и пошёл в дом. Поднявшись на крыльцо, повернулся к Вере и сказал:

– Иди, возьми Библию и читай, – отвернулся и ушёл в дом.

Александра подошла к дочери, помогла ей подняться и, отряхнув одежду, повела в дом. На следующий день Вера си-

дела в своей комнате и читала Библию. Отец не пустил её в школу, потому что во время молитвы она задумалась и про молитву забыла. Отец по ней видел, что она думает о чём-то мирском, потому что на лице блуждала улыбка, а глаза были мечтательные. Он вспомнил, когда они с Александрой были молодые и собирались пожениться, у неё такие же глаза были.

Галина после школы подошла к дому, где жила Вера, постучала в ворота и стала ждать. Не дождавшись никого, постучала ещё раз посильнее, услышала тяжёлые шаги. Вдруг ворота резко распахнулись, и в проёме возник здоровый выросший мужик.

– Чё надо?

– Я хотела узнать, что с Верой, она в школу не пришла сегодня.

– Ну не пришла и чё?

– Может, ей домашнее задание записать, чтобы она не отстала.

– Не отстанет, иди, заботливая.

– А завтра Вера придёт в школу?

– Посмотрим! Иди, – и закрыл ворота.

Вера постояла, посмотрела на закрытые ворота и сама себе сказала: – Вот и поговорили.

Она повернулась и пошла домой. Осень в этом году оказалась затянувшейся и сухой, в огородах всё давно было убра-

но, заготовки сделаны, сено в стогах, а бабы на лавочках семечки лузгают да косточки соседям перемывают. Увидев Галину, возвращавшуюся от Вериного двора, их соседка Настасья Васюткина, смахнув с губ кожуру от семечек, ехидно спросила Галину:

– Ну, что, Галька, пустили тебя к подружке?

– Не пустили, тётка Настасья, – тяжело вздохнув, ответила Галина.

– И не пусят. Этим сектантам не положено общаться с мирскими, грех большой.

– Я думаю, они сами не хотят ни с кем общаться. А как же тогда они разрешают Вере в школу ходить?

– А попробовали бы запретить, их осиное гнездо тогда быстро бы разогнали. Вот подишь ты, была семья как семья и чё с ними сделалось, в одночасье вдруг раз и стали сектантами.

– Смотри, тётка Настасья, чтобы тебя туда не затянули, а то грехов-то, поди, за свою жизнь поднакопила, что не отмочишь, так лучше и не начинать.

– Да больших грехов за мной нет, а мелкие Бог мне и так простит, искуплю добрыми делами.

– Это какими, например? – поинтересовалась Галина.

– Да мало ли, вон Петровна, моя соседка через дорогу, с палочкой ходит, вдруг оступится, а я рядом буду и поддержу её, чтобы не упала, вот и доброе дело.

– Ну, тогда, конечно, искупите. Ладно, тётка Настасья,

пойду я, тоже добрые дела делать.

– Иди-иди, начинай, – ехидно сузив глаза, сказала Настасья и вновь принялась лугзгать семечки, глядя по сторонам.

На следующее утро перед уроками Тимофей подошёл к Галине:

– У Веры была?

– Была. Только меня даже во двор не пустили. Открыл ворота её отец, но так ничего и не сказал, почему Веры не было в школе и придёт ли сегодня. Слушай, Тимка, этот дядька такой здоровый, обросший и хмурый, если бы я его не знала, то перепугалась бы точно. Верка, наверное, его боится, хоть он и отец, вид у него жуткий.

– Да Вере-то чего бояться, он же ей отец. Короче, Веры сегодня опять не будет в школе, плохо.

– А ты-то, Тимка, что так переживаешь?

– Так уроки же пропускает, – Тимофей, махнув рукой, пошёл в класс.

Вера второй день сидела и читала заданный отцом урок по Библии. Отец опять не пустил её в школу, а мать потихоньку шептала ей на ушко:

– Читай, доченька, а то опять не сможешь отцу пересказать прочитанное, и он снова тебя не пустит в школу.

– Мама, я не хочу это читать, мне неинтересно, я хочу в школу.

– А что делать? Мне это тоже неинтересно, но я его боюсь,

поэтому мы должны делать, что отец велит.

– А давай мы сбежим от него к бабушке, – горячо зашептала Вера матери.

– Он приедет за нами и вернёт назад, да ещё вожжами отходит.

– Мы так и будем всю жизнь вместе с ним молиться?

– Я что-нибудь придумаю, потом, а пока давай не будем его злить. Читай, я пойду по хозяйству управлюсь, а потом обед готовить буду.

Александра вышла во двор, понесла зерно курицам, Фёдор чистил коня; увидев Александру, посмотрел хмуро исподлобья:

– Почему Верка не помогает?

– Вере некогда. Библию учить надо да уроки.

– Всё успеет, если меньше мечтать будет!

– Ой, Фёдор! Смотрю я на тебя и вспоминаю, каким ты был добрым, весёлым, а теперь прямо жуть берёт. Тебе самому-то с таким настроением не тяжело жить?

– Нормальное у меня настроение! А ты сейчас договоришься!

Тимка сидел на уроке и думал о Вере. Преподавательница, оглядев класс, спросила:

– А где Вера Скоробогатова? Её второй день нет в школе.

– Заболела, – сообщил Тимофей и опять стал думать о Вере.

Тимофей давно был влюблён в Веру, но всё их общение сводилось к утреннему приветствию «Молилась ли ты на ночь Дездемона?», на которое Вера вначале обижалась, а потом сама стала ждать, когда Тимофей подойдёт к ней и спросит. Он ей тоже давно нравился, и она шла в школу в предвкушении счастливого момента, когда Тимка подойдёт и задаст свой дурацкий вопрос. Мама предупреждала её, что может случиться так, что ей вдруг понравится какой-нибудь мальчик, и чтобы она вела себя разумно, никаких гуляний и свиданий, а то отец узнает – забьёт вожжами.

Долго длилась зима, но вот, наконец-то, наступил март и солнышко стало пригревать. Снег заискрился в лучах весеннего солнца, покрылся тонкой ажурной корочкой льда, засверкали сосульки, застучали капельки. На открытых местах под солнцем, появились проталины. Возвращались птицы, улетевшие на зимовку в тёплые края. Лес заполнялся весёлым птичьим гомоном. Совсем скоро снег растает, и от зимы останутся только тёмные лужи и разбегающиеся весёлые ручейки.

Уроки тянулись для Тимофея сегодня медленно, и он с нетерпением ждал, когда они закончатся. Веры опять не было в школе. Когда, в конце концов, закончился последний урок и прозвенел звонок, парень быстро собрал учебники, положил их в рюкзак и вышел на улицу. Постоял на крыльце задумавшись, посмотрел на школьный двор, засыпанный осевшим и слегка почерневшим под мартовским солнцем

снегом, медленно сошёл с крыльца и направился домой. Он думал о Вере, ему хотелось её увидеть, узнать, почему не ходит в школу, а как это сделать, непонятно. Тут он услышал быстрые шаги сзади, оглянулся, его догоняла Галка. Подошла, дёрнула за куртку:

– Мечтаешь?

– Не мечтаю, а думаю, – Тимка повернулся и посмотрел на неё.

– О чём? О Вере?

– О Вере, – сознался Тимофей.

– Думаешь, как узнать, почему в школу не ходит?

– Думаю, что могло случиться с ней.

– Может, и не с ней, может, мать заболела, а она сидит около неё. Ты же знаешь, что они к врачам никогда не обращаются, лечатся своими средствами.

– Как бы мне её увидеть? Хоть на минутку.

– А никак! Там всё огорожено двухметровыми досками и даже щёлочки нигде нет.

– Идея! – воскликнул Тимофей.

– Я вечером схожу, вдруг найду где-нибудь неплотно прибитые доски и посмотрю, может, увижу Веру.

– Я с тобой, и даже не спорь! – Галина решительно рубанула рукой воздух.

– Ладно, я за тобой зайду, когда стемнеет.

– Нет, Тимка, давай лучше я за тобой зайду, а то меня родители к тебе не отпустят.

– Галка, ты что, с какого перепугу? Мы же соседи!

– И что? Ты себя в зеркале видел? Здоровый мужик, даже не скажешь, что ты ещё в школе учишься. Всё, это не обсуждается. Пока, до вечера.

Они как раз дошли до Галкиного двора, и она, толкнув калитку, быстро юркнула во двор и понеслась к дому. Тимофей посмотрел ей вслед.

– Про тебя тоже не подумаешь, что ты ещё в школе учишься. Аппетитная, как сдобная булочка, а грудь... м-м-м, 3-3-зараза.

Он повернулся и пошёл к своему двору, на ходу снимая рюкзак с плеча.

Вера вздохнула и потёрла рукой лоб, думая о том, что на всякую ерунду тратит столько времени и пропускает школу. Отец опять не пустил её на занятия и заставил учить Библию. «На кой мне сдалась эта Библия? Мне уроки надо учить, а я сижу, читаю их сектантский бред. Я Тимку хочу увидеть, он такими глазами на меня смотрит, прям до мурашек пробирает от его взгляда. Мы с ним вместе уже одиннадцатый год, с первого класса вместе учимся. А ещё он меня называет Дездемона... Мне так хочется взять его за руку... почувствовать, какая она у него... а ещё у него глаза особенные, как будто, в них огоньки загораются, когда он смотрит на меня...» Она так размечталась, что не услышала, как дверь открылась и зашла мать. Александра посмотрела на дочь и

покачала укоризненно головой.

– Вера, а если сейчас отец зашёл бы? У тебя же всё на лице написано, что ты не о Библии думаешь, а витаешь в облаках.

– Мама, я не хочу больше сидеть дома, я хочу в школу, хочу уроки учить, с Галкой поболтать.

– На Тимку посмотреть, – шёпотом продолжила мама.

– Откуда знаешь? – испуганно спросила Вера.

– Доченька, у тебя всё на лице написано. Только будь осторожна, чтобы папа ничего не узнал.

Вечером отец стал проверять, как Вера выучила заданный урок. Она не ожидала этого и разволновалась, даже руки вспотели. Вера боялась, что вдруг ошибётся и отец опять не пустит её в школу. Но, к счастью, всё рассказала приблизительно к тексту, и отец остался доволен.

– Завтра можешь идти в школу, а послезавтра расскажешь мне следующие четыре страницы. Когда он вышел из её комнаты, пришла мать и поинтересовалась:

– Ну как, Вера, всё нормально? Что отец сказал?

– Разрешил завтра в школу идти, – так же, шёпотом, ответила Вера, добавив: – Мама, не нравится мне всё это, я не хочу читать Библию, мне бы уроки учить, а я читаю не знамо что.

– Как это не знамо? Ты читаешь Библию, а это полезно знать, хотя бы для общего развития.

– Пойду, посижу немного на крылечке, погода хорошая.

– Холодно там, теплее оденься.

Вера надела тёплую куртку, вышла на крыльцо и села на ступеньку. Небо было тёмное, кое-где в разрывы туч виднелись яркие звёзды, время от времени появлялась луна, освещающая всё вокруг таинственным светом. Вера думала о Тимке, и радостное тепло разливалось внутри. Завтра она его увидит, его глаза, его губы с насмешливой улыбкой, и услышит его дурацкий вопрос. Её мечты прервал какой-то шёпот. Она не сразу поняла, откуда он раздаётся. Прислушалась.

– Вера! Иди сюда! К забору, налево от крыльца.

Она повернула голову, но через доски не видно, кто там её зовёт, и тут услышала:

– Дездемона! Оглохла! Иди сюда, быстро!

Вера полезла по сугробу к забору и жарко зашептала:

– Тимка, Тимочка, ты пришёл!

– Вера, ты когда в школу придёшь?

– Завтра. Завтра приду, Тимка!

– Давай уже приходи, хватит отдыхать. Ты что, заболела?

– Почти.

– Что значит «почти»?

– Меня папа не пускал в школу, а теперь разрешил.

– Что, молиться, что-ли, заставлял?

– Хуже. Библию учить, чуть ли не наизусть.

– Во даёт, предок, совсем с катушек съехал?

– Тимка прекрати, а то я с тобой разговаривать не буду, он мне всё-таки отец.

– Ну, отец, а чё он дурию-то мается?

– Тимка, как там Галка?

– Да не там Галка, а здесь, рядом со мной стоит.

– Вера, – зашептала Галка, – приходи скорее в школу.

– Прямо щас, ночью?

– Зачем щас? Утром приходи, мы уже заждались тебя.

– Приду. Всё, уходите, а то папа выйдет, услышит и опять не пустит меня в школу. Пока.

– Пока, Вера.

– Тимофей потянул Галину от забора на тропинку.

Вера, закидав снегом следы, в сугробе у забора, пошла в дом. Наутро Вера встала рано, ей не спалось, ведь отец разрешил сегодня пойти в школу, а там она увидит Тимку... Тимофея Соколова... придурка, который называет её Дездемоной... Боже, как он ей нравится, он такой большой и красивый... Она услышала шаги и быстро начала собирать рюкзак, складывая туда школьные принадлежности. Вошла мама:

– Ты чего так рано встала? В школу торопишься?

– Да, мам, в школу, там интересно.

– Я знаю. Там интересно, потому что там Тимка.

– Да, мама, там Тимка.

– Доченька, только не дай Бог об этом узнает отец.

Вера перевела взгляд на дверь и ахнула, в проёме стоял отец и слышал их разговор. Александра, взглянув на дочь, поняла весь ужас положения, в которое они по неосмотрительности попали. Теперь жди беды! Фёдор стоял и хмуро смотрел, переводя взгляд с одной на другую. Потом подошёл

к Александре, больно схватил её за запястье и вышвырнул за дверь, а дверь закрыл на шпингалет. Он бесшумно, как рысь, подошёл и усталился на дочь тяжёлым порочным взглядом, дыхание стало прерывистым, лицо красным, глаза потемнели, волосы на лбу стали мокрыми, он схватил её за руку.

– Сейчас я из тебя буду выгонять бесов, распутница. Он дёрнул её на себя, схватил поперёк, бросил на кровать и быстро навалился сверху. Вера стала кричать, отбиваться, извиваясь под ним, пыталась вырваться из его сильных цепких рук, умоляя:

– Папочка, не надо, пожалуйста, я ничего плохого не делала! Папочка,пусти меня, папочка, не надо! А-а-а-а-а! – закричала ещё громче Вера, почувствовав боль и где-то, как сквозь вату, голос отца:

– Кричи-кричи... давай... ещё кричи... сильнее... это из тебя бесы лезут... сейчас-сейчас... ещё... ещё чуть-чуть... и я их выгоню из тебя... всех... – говорил Фёдор, тяжело дыша, с помутившимся разумом и безумно выпученными глазами, неотрывно глядя на Веру.

Александра билась в дверь, пытаясь сорвать с неё шпингалет, разбила руки до крови, содрала на локтях кожу, кричала, что было мочи:

– Фёдор?! Не бери грех на душу, Фёдор, она же твоя дочь!!! Как ты можешь?! Очнись! Опомнись! Фёдор, умоляю, отпусти дочь!!!

Но он уже вошёл в раж и не слышал умоляющих криков

Александры из-за двери, ему было всё равно, кто под ним, ему сейчас было легче умереть, чем остановиться. Александра, давно стучавшая в дверь, поняла, что случилось непоправимое, выскочила на улицу, схватила топор и, забежав в коридор, стала рубить дверь. После нескольких взмахов, когда одна доска стала поддаваться, дверь резко распахнулась, Александра по инерции пролетела вперёд, и топор пришёлся как раз в грудь Фёдору, он охнул и попятился, потом, схватившись за грудь, стал медленно оседать на пол, глядя безумными глазами. Александра развернула топор другой стороной и обухом ещё два раза для верности ударила со всей силы его по голове, череп треснул. Его широко открытые глаза уставились в потолок.

Вера лежала на кровати со сбившимся одеялом и подушкой где-то в углу, натягивая на себя угол одеяла, свисающего с кровати до самого пола. Она испуганно смотрела на мать. Александра стояла над Фёдором и не сводила замороженных глаз с его головы, из-под которой медленно растекалась красная лужа. Александра очнулась, когда услышала стук упавшего около её ног топора, и перевела взгляд на Веру, сказав вдруг охрипшим голосом:

– Прости, доченька, не успела я!

Ни во взгляде Александры, ни в голосе не было сожаления о содеянном. Только горечь, что не успела прийти на помощь к дочери. Александра опустилась на пол и, схватившись за голову, стала раскачиваться из стороны в сторону. Вера ста-

ла подниматься с кровати и, увидев на простыне кровь, заплакала, причитая:

– За что он со мной так?! Что я плохого сделала... Как я теперь буду жить?... Я не хочу... не хочу жить после этого... мама!

Александра медленно поднялась с пола, подошла к Вере, села рядом, обняла её и, погладив по голове, прошептала:

– Доченька, не говори так, это грех.

– Мама, грех – это то, что он со мной сделал, я ведь его дочь! Куда его Бог смотрел? Почему Он допустил такое? Зачем мы столько лет молились о спасении?! Почему Бог не спас меня от него, почему Он не вразумил его? Когда я успела столько нагрешить, что Бог не захотел его остановить, а решил меня наказать?! За что меня?!

– Доченька, Бог его наказал моими руками. Он вложил в мои руки топор. А ты не плачь, родная, время пройдёт, и ты успокоишься, останутся только горькие воспоминания, но и они со временем потускнеют и уйдут в далёкое прошлое.

– Тимка теперь на мне никогда не женится, – горько плакала Вера.

– А он собирался?

– Я не знаю. Мы же ещё в школе учимся, а потом он в армию пойдёт. Мамочка, что же теперь будет с нами? – шёпотом спросила она.

– Не знаю, дочка, пусть пока лежит здесь, мне надо подумать. Ты переоденься и уходи отсюда, комнату закроем.

– Мама, я сегодня не могу идти в школу, мне кажется, как меня увидят, так сразу поймут, что со мной произошло, я этого не переживу.

– Оставайся дома, может, мне понадобится твоя помощь.

Слёзы опять неожиданно хлынули из глаз Веры, и, захлёбываясь рыданиями, она закричала, срывая голос:

– Я не хочу жить!!!

– Верочка, не говори так, прошу тебя, обо мне подумай, как же я без тебя буду...

– Мама, я помню, папа был добрым и весёлым, почему он стал таким злым?

– Когда я выходила за него замуж, он был ласковым и внимательным, это его секта таким сделала.

Глава II

Вера смотрела на убитого отца с ужасом, забыв о своём горе, которое он только что ей причинил. Она не только физическую травму получила, но ещё большую душевную и психологическую. Ей как-то придётся это пережить. Вере казалось, что после всего, что с ней сделал отец, она грязная, порочная и как только выйдет из дома, все сразу увидят, что с ней произошло, и будут над ней смеяться и показывать на неё пальцем. Она неотрывно смотрела на отца, распластанного на полу, и не могла в полной мере осознать, что он мёртвый и никогда больше не встанет...

Фёдор с некоторых пор стал готовиться к собраниям заранее, собирал какие-то травы, делал настои, а потом всем собравшимся давал пригубить это зелье. Через некоторое время начиналось всеобщее безумие: кто-то неистово молился, кто-то бил поклоны так, что разбивал лоб в кровь, кто-то начинал срывать с себя одежды, а Фёдор, воодушевлённый всеобщим безумием, сидел и наблюдал за женщинами, срывающими с себя одежды и ждущими, когда он усмирит их внутренний огонь желания. Они окружали его и всячески пытались привлечь его внимание к себе.

Александра всё это увидела, когда решила посмотреть, что же там происходит, за закрытыми дверями. Она, подкравшись и слегка приоткрыв дверь, увидела безумствующую

щую толпу. Фёдор сидел и наблюдал за молоденькой прихожанкой, которая, стоя напротив него, срывала с себя одежды и очень откровенно с горящими страстным огнём глазами призывала его воспользоваться её прелестями. Остальные бились в конвульсиях лбами о пол. Александра поняла, почему он по ночам, когда возвращался с молений, набрасывался на неё с необузданной страстью. В тот момент она чувствовала себя не женой его, а существом, которое утолит его животные желания. Ему было всё равно, как она при этом себя чувствует, он в своём безумстве о ней не думал. Теперь Александра поняла, почему Фёдор к молениям начинал готовиться заранее. Он готовил какую-то настойку на травах, видимо, ему скучно стало со старухами поклоны отбивать, и он придумал, как оживить их собрания. Он стал поить их зельем. Фёдор был неистов с ней в постели, а после их собраний особенно, как будто в него вселялся бес, он становился грубым и беспощадным.

Александра сидела в другой комнате, обхватив голову руками, и вспоминала всё это, думая о дочери. «Как он мог так поступить с дочкой, ведь у него ничего святого не осталось? Я всё правильно сделала, – успокаивала она себя, – такой урод не должен ходить по земле. Он и зелье придумал давать старухам, чтобы развратом заниматься! Была же у нас нормальная семья, и он был нормальным человеком, пока не попал в эту секту, этим старухам молодой мужик понадобился, а он и повёлся на ласковые слова. Герой, пропо-

ведник хренов! Надо под деревом, там, в углу двора, выкопать яму и зарыть его. Хорошо, что мы ни с кем не общаемся и двор у нас закрыт досками». Голова у неё шла кругом. Что делать? Ощущение непоправимого давило на неё всей своей тяжестью. Александре хотелось рыдать из-за загубленной Фёдором её жизни, из-за дочери, которой он тоже сломал жизнь. Когда она теперь выправится от нанесённой душевной травмы? Александре пришлось признаться самой себе, что во всём, что произошло сейчас, и вообще во всей их с дочерью жизни виновата только она. Теперь надо решать, что дальше делать. Во-первых, надо закопать Фёдора, а во-вторых, продолжать жить, как жили, чтобы не вызвать подозрений. Но как это сделать? Такое ощущение, что стоит ей выйти из дома, как люди сразу поймут, что она убийца, её арестуют. А как же Вера без неё будет жить? Она не сможет без неё выжить после того, что отец с ней сделал. – Господи! Подскажи, что мне теперь делать? Ведь это Ты вложил мне в руки топор? Только почему так поздно, я не успела защитить мою девочку от этого чудовища? Не получив ответа на свои вопросы, Александра горько заплакала, с подвыванием, по-бабьи. Подошла Вера, села рядом:

– Мама, полицию вызывать будем?

– Вера, какую полицию? Зачем? После того, что он с нами сделал, ты хочешь, чтобы меня ещё и посадили? – громко всхлипывала Александра.

– Нет, не хочу. А что теперь нам делать?

– Собирайся и поезжай в город, к бабушке с дедушкой, завтра вечером приедешь.

– Мама, ты тут одна останешься?

– Одна. Тебе здесь нечего делать, поезжай, ты давно не видела бабушку.

– А что я им скажу, почему вдруг приехала? Как меня папа отпустил?

– Скажи, что папа уехал по делам, а я тебя отпустила. Давай, быстро собирайся и уезжай!

– Мама, у тебя хватит сил? Он же такой большой.

– Справлюсь. Если у тебя спросят, где отец, скажи, что уехал по делам, если ещё какие-то вопросы будут задавать, говори, что ты ничего больше не знаешь, и посылай с вопросами всех ко мне.

– А кто будет спрашивать?

– Да хоть кто! Всем говори – уехал по делам и всё. И забудь всё, что здесь произошло.

– Я не уверена, что смогу такое забыть.

– Будет хуже, если ещё ты в этом будешь замешана, я это сотворила, мне и отвечать. И запомни: ты ничего не видела и не знаешь – была у бабушки, всё произошло в твоё отсутствие, если узнают как-то об этом. Поняла?

– Да, – Вера опустила голову, а потом прошептала: – Всё это из-за меня, мама.

– Не из-за тебя, сам виноват и получил по заслугам. Уезжай быстро!

Вера собралась, взяла деньги у матери, надела рюкзак и отправилась на остановку, моля Бога, чтобы никто ей не встретился по дороге. Александра проводила дочь до ворот и закрыла их за ней на щеколду. Повернулась, пошла к сараюшке, где стояли лопаты, думая о том, что надо засветло выкопать яму и перетащить его туда. Александра взяла лопату и пошла в дальний угол двора, где рос большой куст черёмухи.

Вторая половина марта, земля ещё не прогрелась. Александра подошла и стала прикидывать, где лучше копать яму, с таким хладнокровием, как будто это касалось мусорной ямы, а не последнего пристанища когда-то горячо любимого мужа. Ключевое слово «когда-то», потому что с тех пор он столько зла сделал ей, Александре, своей жене, тоже «когда-то» любимой, а теперь ещё и дочери жизнь испортил, что ей было абсолютно его не жаль. Она выбрала место, расчистила оставшийся снег, попробовала копать, но земля была промёрзшая, и копать лопатой не получалось. Александра пошла в дом, взяла топор, которым порешила Фёдора, пришла в угол двора и стала рубить землю. Разрыхлив верхний слой, она сгрестила землю в сторону и стала рубить дальше. Вырубив примерно на полметра и убрав землю, дальше Александра стала копать лопатой, потому что на этой глубине земля была не такой замёрзшей. Копала Александра уже не первый час, работа эта была тяжёлой, надо было выкопать глубокую яму. «Что я делаю?» – думала Александра, падая

от усталости, но продолжала копать с небольшими передышками. Когда яма стала глубокой, но она могла ещё из неё вылезть, ей пришлось прервать работу и пойти за лесенкой. Её Александра притащила из-за дома, она стояла там, у стога. Сначала женщина положила лесенку на край ямы, а когда поняла, что скоро не сможет до неё дотянуться, стянула лестницу в яму. Лестница мешала, но Александра, переставляя её с места на место, выкопала глубокую яму, вылезла, вытащила лестницу. К обеду яма была готова. Александра выпрямилась, отставила лопату в сторону, прогнулась назад, чувствуя боль в мышцах, спину ломило. Постояла, прислушалась, вокруг была такая тишина, ни ветерка, ни пенья птиц, как будто даже природа затихла от ужаса. Она посмотрела вокруг, перевела взгляд на небо и кому-то туда сказала:

– Сам виноват!

Взяла лестницу, отнесла её на место и пошла в дом. Скинула с себя мокрую от пота одежду и, обтеревшись влажным полотенцем, с облегчением вздохнула и оделась во всё сухое.

Вера приехала к бабушке и позвонила в дверь. Она стояла и очень волновалась. Вера давным-давно здесь не была и боялась, что бабушка её не узнает, но тут открылась дверь и бабушка всплеснула руками.

– Верочка, родная моя, как ты здесь оказалась?! Заходи-заходи, не стесняйся, ты же к бабушке приехала, – и, повернувшись в сторону комнаты, радостно крикнула: – Дед, а

дед, иди, посмотри, кто к нам приехал!

Дед вышел из комнаты, ворча:

– Ну что ты, старая, раскудахталась? – Но, увидев Веру, точно так же, как бабушка, всплеснул руками и воскликнул: – Бабка! Посмотри, внучка-то как выросла! И как тебя отец к нам отпустил?

– Да он уехал по делам, а мама, пока его нет, отпустила к вам. Мне завтра к вечеру надо вернуться домой.

– А школа как же? Пропускаешь?

– Мне мама разрешила. Да у меня в школе всё нормально, ничего страшного, если один день пропущу.

– Ну, пойдём на кухню, – бабушка взяла Веру за руку и потащила за собой на кухню, – я там пироги стряпаю, а ты мне пока расскажешь, как вы живёте.

Бабушка, Мария Александровна, мама Александры, была ещё не старой женщиной и очень энергичной, она, как и Александра, была небольшого роста, а дед – высокий, с пышной не по годам шевелюрой и густыми бровями над большими чёрными глазами с хитринкой, как будто он, глядя на тебя, задумывает какую-то каверзу. Он над бабкой постоянно потешался, вот и сегодня, когда она затеяла пироги, весело посмотрел на неё:

– Бабка, ты себя в зеркале видела?

– А что у меня не так? Вроде смотрела с утра.

– Пироги затеяла, а сама уже от них поперёк себя шире.

– Старый, ты меня обидеть хочешь?

– Я – констатировал! – дед поднял указательный палец вверх. – А вообще, я тебя всякую люблю, так что давай стряпай, мне не только пироги нравятся, а ощущение праздника в доме, когда ты пирогами занимаешься.

Сегодня у них был двойной праздник, ведь внучка приехала, а они уже так давно не видели её из-за зятя, который сначала вроде нормальным парнем был, а потом вдруг стал сектантом. Родителей и тестя с тётшей отлучил от своей семьи за то, что те осудили его сектантские собрания. С тех пор, сколько лет прошло, и внучка, Верочка, уже выросла. За эти годы всего несколько раз они её видели буквально на минуточку, чтоб зять не узнал.

– Детонька, расскажи нам, как там мама. Тяжело, наверное, ей с таким мужем? – поинтересовалась бабушка.

– Тяжело, бабушка, мама не хочет молиться, а папа всё равно нас заставляет. Меня в школу за малую провинность не пускает, пока я главу из Библии не перескажу ему близко к тексту.

– Боже! – возвела бабушка глаза к потолку. – Вразумил бы Ты его, несчастного!

– Поздно, бабушка, его уже никто не вразумит.

– Ну почему же, изменить свою жизнь никогда не поздно, было бы желание.

Вера слушала бабушку, а сама думала: «Может, рассказать им, что у нас произошло? – потом посмотрела на бабушку, на дедушку и решила: – Не буду ничего говорить, они та-

кие старенькие, вдруг сердце не выдержит. А у мамы, я видела, случайно получилось его топором в грудь ударить, она же дверь рубила, а он резко её открыл, вот топор и прилетел ему в грудь, сам виноват». А о том, что он сделал с ней, Вера даже думать не хотела, настолько это мерзко было.

Александра, переодевшись во всё сухое, пошла в комнату, посмотреть на своего супруга и подумать, как она одна такого здорового мужика будет перетаскивать к будущему месту его упокоения. Она дошла до раскученной двери и остановилась, ей стало страшно от того, что она сотворила, теперь она боялась увидеть дело рук своих. Александра села на стул, стоявший рядом с дверью, и задумалась о своей никчемной жизни. Она не смогла бороться за свои интересы, за дочь, которой он тоже сломал жизнь, за своих родителей, которых она давно не видела и очень скучала по ним. Горячие слёзы вдруг ручьём хлынули из глаз, и дыхание перехватило, а сердце сжалось от горя за несбывшиеся мечты, прошедшую так нелепо жизнь и за так быстро прошедшую любовь, которая блеснула, как упавшая звезда, и потухла навсегда. Александра сидела и не могла встать, потому что слёзы никак не останавливались, а горе навалилось на неё с такой силой, что её плечи опустились, она голову уронила на свои колени и сидела так, вздрагивая от рыданий всем телом. Через некоторое время, немного успокоившись, взяла себя в руки, встала и направилась в комнату, где лежал её супруг,

рассматривающий широко открытыми глазами что-то на потолке. Постояла над ним, посмотрела, хотела ему что-то на прощание сказать, но слова застряли в горле, и она, молча, наклонилась, закрыла ему глаза и стала заворачивать его в ковёр. Завернула кое-как, перевязала посередине бечёвкой, чтобы ковёр не размотался, и волоком потащила его из дома. По дому тащила нормально, правда, очень тяжёлым оказался супруг, а когда стала спускать его с крыльца по ступенькам и услышала, как через ковёр голова бьётся о ступеньки, у неё потемнело в глазах, и она испугалась, что может упасть в обморок, но, слава Богу, всё обошлось. Она через весь двор волоком тащила его до места упокоения, а за ним оставалась дорожка от ковра. Дотащив тело супруга до ямы, положила его на край и толкнула вниз. Взяла лопату и стала засыпать яму. Выкапывала яму дольше, чем засыпала, ей пришлось землю утаптывать, чтобы как можно больше земли убрать с поверхности вокруг ямы, разровняла землю и накидала снежку. Отнесла лопату на место, взяла веник, намела ещё снежку на свежую землю, потом подмела дорожки, убрав след, оставшийся от ковра. Осмотрев двор, чтобы никаких не осталось следов, Александра пошла в дом и, увидев на полу кровь и кровавую дорожку до порога, быстро налила в ведро воды и стала мыть пол в доме и, на всякий случай, вымыла крыльцо, тщательно оттирая пятна. Потом из кладовой достала домотканую дорожку и постелила у дочери в комнате на пол, вместо ковра.

Вера приехала домой на следующий день, ближе к вечеру. Постучала в ворота, подождала и постучала сильнее. Не дождавшись, когда ей откроют, она своим тайным способом открыла щеколду и вошла во двор. Со страхом приближалась к дому, она боялась войти и увидеть у себя в комнате отца, лежащего на полу. Потихоньку поднимаясь по ступенькам, думала: «Хоть бы мама была в доме». Открыла дверь и протиснулась бочком, как будто входила в чужое жилище без разрешения, но тут навстречу ей из кухни вышла мама и, раскинув руки, пошла ей навстречу. Они обнялись, поплакали, а потом Александра усадила Веру на диван и стала расспрашивать, как её приняли бабушка с бабушкой. Александре важно было каждое слово, сказанное о них и ими, и она подробно расспрашивала дочь обо всём. Потом напомнила Вере:

– Доченька, не забудь, папа уехал по своим делам, мы не знаем куда. Мы должны жить точно так, как жили при нём, пока не пройдёт какое-то время. Ты поняла?

– Поняла, – кивнула Вера. – Мама, я не хочу идти в свою комнату, я боюсь.

– Ну, хорошо, давай мы твои вещи перенесём в комнату отца, а его вещи – в твою комнату. Давай сейчас и займёмся этим.

К ночи всё было сделано, обе комнаты прибраны, везде порядок, как будто так всегда и было. Утром Вера встала,

позавтракала и пошла в школу. У школы её встретил Тимофей, он улыбнулся, и от его радостной улыбки у Веры перехватило дыхание, только сейчас она поняла, как скучала без Тимки, а он подошёл и весело поинтересовался:

– Молилась ли ты на ночь, Дездемона?

Она посмотрела на Тимку весело, прищурившись:

– Ох, и придурок ты, Тимка!

– Я люблю тебя, Вера, – вдруг тихо сказал он, глядя ей прямо в глаза завораживающим пристальным взглядом.

От его слов у Веры вдруг закружилась голова, и она на мгновение прикрыла глаза, а Тимка понял это по-своему, наклонился и нежно прикоснулся губами к её губам. Вера вдруг широко открыла глаза и воскликнула:

– Тимка?! Ты это чего? Ты это... не надо! Мы не можем! Я не могу! – а потом, немного успокоившись, тихо сказала: – Не делай так больше, пожалуйста.

– Хорошо, Вера. Да я ничего такого и не сделал, просто соскучился. Всё, успокойся, я больше не буду к тебе прикасаться, пойдём в школу, а то скоро звонок.

Она с трудом досидела до конца уроков. Когда прозвенел последний звонок, быстро подхватила рюкзак и побежала домой, следом за ней выскочила Галка.

– Вера, подожди меня! – бежала за ней Галка.

Вера остановилась, подбежала Галина.

– Ты чего как ошпаренная бежишь?

– Мне домой надо. – Вера посматривала на дверь, чтобы

успеть уйти, пока Тимка не вышел.

На улице было холодно, падал снег, и маленькие снежинки забивались за воротник лёгкой куртки. Вера зябко поёжилась и прибавила шагу, тут их догнал Тимофей и посмотрел на съёжившуюся от холода Веру.

– Замёрзла?

Вера, молча, кивнула.

– Пойдёмте, девчонки, быстрее, пока вы совсем не превратились в сосульки. – И, подхватив девушек под руки, быстро зашагал вперёд.

Вера выдернула свою руку.

– Не надо, я сама. – И пошла рядом.

– Ты чего такая хмурая, что-то случилось? – поинтересовалась Галка.

– Всё нормально, просто холодно, хочу домой, в тепло. – Вера поёжилась и затолкала руки в рукава.

Когда Галина свернула к своей калитке, Тимка собрался проводить Веру до её дома, но Вера категорически отказалась.

– Не надо, Тимка. Родители увидят и опять не пустят в школу. – Вера посмотрела на него и улыбнулась.

Тимофей тоже улыбнулся Вере; погладив по руке, согласился, что не стоит им вместе попадаться на глаза её родителям, и остановился у своей калитки, глядя вслед удаляющейся Вере. Ей хотелось скорее прийти домой, согреться, сесть в своей комнате и в тишине подумать о Тимке, о том, как

он нежно прикоснулся своими тёплыми губами к её губам, а потом ещё о том, что он её любит. Она его тоже любит, но у неё не хватило бы смелости сказать ему об этом. Она вспоминала, какой жар разлился у неё внутри от его слов и, как сердце взволнованно забилось в груди. Но тут лоб её нахмурился, она вспомнила, что с ней сделал отец, и решила, что после этого она не может быть с Тимкой и вообще ей лучше уехать из деревни...

В выходные раздался стук в ворота. Александра, заглянув в кастрюльку с кипящим бульоном, приоткрыла крышку и пошла посмотреть, кто там. Пришли женщины на воскресное собрание к Фёдору, с ними была молоденькая девушка не из их деревни, которую за руку держала дебелая старуха с поджатыми губами.

– Привели девчущку, чтобы Фёдор из неё бесов выгнал? – зло посмотрела на них Александра.

– Ему виднее, что делать. – Женщина ещё крепче сжала руку девушки.

– Его нет, он по делам уехал. Если хотите, проходите, может, скоро приедет.

Женщины прошли в молеальный домик, а вскоре ещё стали приходить, Александра им тоже сообщала, что Фёдора нет, и приглашала их пройти. Когда собрались все, а Фёдор так и не появился, отправили одну женщину к Александре.

– Скажите, а куда уехал Фёдор и когда обещал быть?

– Он мне никогда не сообщает о своих делах и, когда вер-

нётся, тоже не говорил, так что, если хотите – ждите.

Они посидели, подождали и, не дождавшись Фёдора, стали расходиться, тихо переговариваясь между собой, а когда на следующий выходной им Александра сообщила, что Фёдор так и не приезжал, вот тут прихожане и заволновались.

– Вы в полицию заявили, что у вас муж пропал? – поинтересовалась пожилая женщина, она по-прежнему продолжала держать девушку за руку, как будто боялась, что та сбежит.

– Нет пока, жду, вдруг вернётся.

– Надо уже заявлять, а вдруг с ним что случилось.

– Вот завтра пойду и заявлю.

Прихожане ушли. Александра, закрыв за ними ворота, пришла в дом. Она готовила обед и размышляла над тем, что делать. Завтра она должна пойти и написать заявление о пропаже мужа, начнут её расспрашивать, потом искать, а если, не дай Бог, найдут, то ей – тюрьма. Она так-то толком не жила, а теперь, если ещё в тюрьму попадёт, это конец.

Александра села к столу, обхватила голову руками и долго сидела, думала, пытаясь что-то придумать, но ничего путного в голову не шло. Александра вскипятила чайник, приготовила чай и, медленно помешивая ложечкой в стакане, крикнула, глядя в сторону Вериной комнаты:

– Вера! Иди пить чай!

Тихо открылась дверь, и из комнаты показалась Вера. Александра взглянула на неё и отметила про себя, что дочь второй день ходит задумчивая, с улыбкой на губах. Вот и

сейчас вышла из комнаты, не успев убрать с лица мечтательное выражение.

– О Тимке мечтаешь? – спросила Александра, с улыбкой глядя на дочь.

– Как ты поняла, мама?

– А что тут понимать? У тебя всё на лице написано. Вера, к сожалению, тебе придётся уехать жить к бабушке с дедушкой. Завтра пойду в полицию заявление писать, что Фёдор пропал, и зайду в школу, заберу твои документы. Бабушка с дедушкой старенькие, им нужна помощь. Будешь у них жить и там учиться.

– А ты, мама, как же?

– Начнут искать Фёдора, может, обойдётся, а если найдут, посадят, зато я буду за тебя спокойна, что ты у бабушки.

Вера шла в школу грустная, ей не хотелось расставаться с Тимкой, но это лучшее, что в данной ситуации её мама могла придумать. У школьного крыльца её, как всегда, поджидал Тимка. Вера так задумалась, что очнулась, когда услышала весёлый и бодрый Тимкин голос:

– Молилась ли ты на ночь, Дездемона?

– Молилась, придурок! – улыбнулась она. – Тимка, тебе не надоело каждое утро спрашивать одно и то же?

– Я же за тебя беспокоюсь, Вера! После молитвы, наверное, и спится крепче?

– А ты попробуй, помолись сам на ночь, тогда узнаешь.

– Ага! Я в одних сетях уже быюсь, как рыба. Хочешь заты-

нуть меня ещё в одни?

– Вот уж этого я точно не хочу, мне хватает отца. Кстати, Тимка, у нас отец пропал, мама сегодня пойдёт в полицию заявление писать и придёт в школу за моими документами, она меня отправляет в город к бабушке.

– Вера, а как же я?

– А ты будешь приезжать ко мне, если захочешь.

– Адрес оставишь?

– И адрес, и телефон, всё запишу. Пойдём уже, Тимка, а то сейчас урок начнётся. Только они стали подниматься на крыльцо, зазвенел звонок. Они быстро зашагали в свой класс.

Александра пошла в участок и сообщила, что её муж пропал.

– Что значит «пропал»? Когда? – участковый вопросительно уставился на Александру.

– Вторая неделя пошла, как уехал по делам и не вернулся.

– Куда уехал?

– Он мне никогда не говорил, куда едет. Сказал, что по делам и всё.

– Сколько дней прошло с тех пор, как он уехал?

– Восьмой день пошёл.

– А почему раньше не заявили о пропаже?

– Ждала, что вернётся.

– А раньше он уезжал так надолго?

– Нет, обычно на несколько дней уезжал, по выходным к нему собираются верующие на моление, и он всегда к этому времени был дома.

– Напишите заявление, будем искать. – Участковый уточнил: – Вы действительно не знаете, куда он уехал?

– Не знаю, он мне не докладывал никогда.

Участковый тяжело вздохнул и дал Александре ручку:

– Садитесь и пишите заявление.

После посещения участка Александра пошла в школу, забрать Верины документы.

– А почему вы Веру забираете из школы в конце учебного года? У нас же экзамены! Выпускной! – возмутилась завуч.

– Так сложились обстоятельства, бабушке с дедушкой нужна помощь, они старенькие. Будет учиться в городе и за ними присматривать.

Получив Верины документы, Александра отправилась домой. Когда Вера вернулась из школы, Александра отдала ей документы:

– Вот, Вера, документы, завтра с утра поедешь к бабушке. Вера, и, пожалуйста, никому не рассказывай про то, что здесь произошло.

– Хорошо, мама, я ничего не знаю.

Утром Вера собрала свои вещи, учебники и, набив большую сумку, отправилась на остановку. Александра пошла её проводить. На остановке стоял Тимофей; увидев издали Веру с матерью, он пошёл им навстречу, взял у Веры тя-

жёлую сумку и довёл их до остановки. Александра осталась около сумки, а Вера с Тимофеем отошли в сторонку, и Вера, повернувшись к нему, радостно улыбнулась:

– Тимка, ты откуда узнал, что я сегодня уезжаю?

– Не знаю, – пожал плечами Тимофей, – наверное, почувствовал.

Тимка обхватил её, прижал к себе и уткнулся в её волосы. Александра, увидев это, отвернулась, чтобы дать им проститься, а Тимка, как в прошлый раз, у школы, прошептал:

– Вера, я люблю тебя, я приеду к тебе обязательно.

– Тимочка, не забывай меня, я тебя тоже люблю, – сказала тихо ему на ушко Вера и добавила: – очень-очень. Я всегда буду тебя ждать, только ты приезжай, пожалуйста.

– Верка! – услышав такое, Тимофей ещё крепче прижал её к себе. – Моя Вера, мне будет плохо без тебя, моя Дездемона, ты жди, я обязательно приеду, только ты меня дождись, Верочка.

– Тимка, автобус подошёл, мне надо идти. – Вера поцеловала его в щёку, а он тут же припал к её губам.

Александра не поворачивалась, чтобы не смущать дочку, она давно догадывалась, что Вера влюблена в Тимофея, и ей было жаль, что Верочке приходится уезжать. Она знала, как тяжело сейчас дочери расставаться с Тимкой, потому что у неё тоже была первая любовь, которую она до сих пор не забыла, но судьба развела их по разным концам света, и она больше его не видела. Переживала своё расставание с лю-

бимым очень тяжело, казалось, что без него жизнь закончилась и ей без него ничего больше не надо, но потом встретила Фёдора и влюбилась, и ей казалось, что сильнее, чем она любит его, любить невозможно. Правда, Фёдор очень быстро разбил их любовь, не оставив даже намёка на то, что она когда-то была. Александре было жаль Веру разлучать с Тимкой, но у неё не было другого выхода. Тимофеем отпустил Веру, она подошла к матери, они попросились, дочь взяла сумку и зашла в автобус. Когда автобус тронулся, Вера помахала им и, закрыв глаза, стала думать о Тимке, о его поцелуе, о своём первом поцелуе, настоящим, и улыбка не сходила с её лица. Потом Вера задремала и очнулась уже в городе на автовокзале, когда народ начал выходить.

Бабушка встретила внучку радостно, они с дедом были счастливы, что Вера теперь будет жить у них, но их очень огорчила весть о том, что Фёдор пропал. Хотя у них отношения и не сложились, но чисто по-человечески им было его жаль. Вера с бабушкой на следующий же день пошли в ближайшую школу и отнесли документы. Теперь у Веры начался новый этап в её жизни, она будет жить в городе, где много возможностей, в отличие от деревни.

Александра жила как на вулкане, каждый день, ожидая прихода участкового. Она сидела на диване и думала, что дверь, которую порубила топором, сразу участкового настожит, и он заинтересуется, что с ней такое произошло. «На-

до бы её снять и унести за дом на дрова», – думала Александра. Но дверь была тяжёлая, и она не знала, как её снять с петель. Вспомнила, что у Фёдора где-то в инструментах видела большую железку, которой он дёргал гвозди из досок, и пошла искать. Железка нашлась, как она и думала, у него в инструментах. Александра взяла её, пришла в дом и стала осматривать дверь и думать, как сделать так, чтобы эта машина не свалилась на неё, если получится снять с петель. Она подтолкнула железку под дверь и стала приподнимать, дверь подалась, но немного, тогда Александра подтолкнула железку подальше и попробовала ещё раз. Дверь слетела с петель и чуть не рухнула на неё всей тяжестью, Александра успела выставить руку и удержать её. Прислонив дверь к стене, она, смахнув со лба выступивший от испуга пот, понесла железку на место. Вернувшись в дом, Александра кое-как уложила дверь на бок и попыталась её тащить. Дверь была неподъёмной, и она потащила её волоком, оставляя на полу след. Тащить пришлось долго, с отдыхом. Кое-как справившись с дверью, она утащила её за дом и там, приставив к стене, прикрыла досками и палками, которые были приготовлены на дрова. Вернулась в дом, взяла веник и стала заметать во дворе следы, оставленные дверью. Дома протёрла пол и, где особенно видны были на полу следы, прикрыла их домоткаными половиками. Осмотревшись, убедилась, что всё убрано и нигде никаких следов преступления не осталось, прилегла на диван и зарыдала. Плакала долго, подвывая по-бабьи,

обливалась горячими слезами, оплакивая свою поломанную жизнь, тужила и о дочери, которой предстоит жить с тем, что с ней произошло, и о своих престарелых родителях, которые не переживут, если узнают, что их дочь – убийца. Плакала и не знала, как ей теперь жить дальше. Пока Фёдор был жив, она не работала нигде, занималась домашним хозяйством и никогда не знала и не спрашивала, откуда у них в доме появляются деньги, а теперь ей надо где-то их зарабатывать, а в деревне работы нет.

Скоро наступит лето. Оно каждый раз наступает так неожиданно, вдруг просыпаешься и понимаешь, что на улице лето! Повсюду буйное цветение, головокружительные запахи черёмухи и сирени ветерок разносит по всей округе. Это любимое время года Веры. Летние каникулы и отдых от учёбы на целых три месяца. Летом начинаешь верить в волшебство и исполнение желаний. Лето – прекрасное время, это пора любви. Эта пора вдохновляет людей на совершенные поступки, хочется творить, создавать что-то прекрасное, что способно отразить тепло души и радость. Утром Вера встала; собираясь в школу, выглянула в окно и удивлённо воскликнула:

– Бабушка, смотри, скоро будет настоящее лето! Уже зелёная травка пробивается кое-где.

Бабушка выглянула в окно и, повернувшись к Вере, погладила её по руке и, вздохнув, покаялась:

– Я всю жизнь не любила холода́ и поэ́тому зиме никогда не была рада, даже в детстве. Единственное, что мне зимой нравилось, когда я маленькая была, – Новый год, ёлка, подарки. А лето было всегда моим любимым временем года. Верочка, у тебя скоро экзамены, детонька, ты подготовилась?

– Да, бабушка, подготовилась!

Вера училась неплохо, но одноклассников сторонилась. Они с деревенской девочкой тоже не торопились завязывать дружбу, и она всегда была на переменках в сторонке и из школы ходила одна. Да ей пока тоже не хотелось ни с кем дружить, потому что она всё время думала о том, что у них произошло дома, ей тяжело было всё это вспоминать, она теперь чувствовала себя ущербной, как бы человеком второго сорта, и ей казалось, что по ней это видно. Иногда она тайком ночью плакала в подушку, чтобы бабушка не услышала и не стала расспрашивать. Вера постоянно боялась проговориться о произошедшем дома, следила за тем, что говорит. Веселья у неё в жизни было мало, и поэ́тому на лице лежал отпечаток серьёзности, она всегда была задумчива, может, поэ́тому одноклассники не решались предлагать ей свою дружбу, хотя она была красивой девочкой и доброжелательной. Однажды, в выходной день, к ней приехал Тимка.

В воскресенье с утра раздался звонок в дверь, Вера пошла к двери, посмотреть, кто пришёл, а бабушка удивилась:

– Кто это так рано? Гостей вроде не ждём.

– Может, мама приехала? Хотя так рано она не могла, ей

же надо по хозяйству обратиться сначала. Сейчас, бабушка, посмотрим, кто звонит.

Дед тоже вышел посмотреть на раннего гостя. Вера открыла дверь и, увидев Тимофея, закричала радостно:

– Тимка! Приехал! – Вера выскочила за дверь и повисла у него на шее.

Дед сурово сказал:

– Зайдите в квартиру, не устраивайте для соседей цирк.

Они вошли в квартиру, и Вера сообщила:

– Бабушка, дедушка, – это Тимка, мой одноклассник.

– Ну раздевайся, Тимка, скоро чай будем пить, – сказал дед, рассматривая Вериного одноклассника хитро прищуренными глазами.

Тимка смутился под дедовым взглядом, быстро скинул куртку, и Вера потащила его в свою комнату, а бабушка отправилась накрывать на стол. Вера затащила Тимку в свою комнату и закрыла дверь. Он остановился и, держа Веру за руку, стал осматриваться. Большое окно, прикрытое розовым тюлем, справа от окна письменный стол, рядом плательный шкаф, слева – кресло и диван, покрытый пушистым пледом в розово-коричневых тонах. Осмотрев комнату, Тимка посмотрел на Веру и улыбнулся.

– Вера, Верочка, я так соскучился, я люблю тебя, моя Дездемона, – Тимка взял её руку и приложил к своей щеке, не сводя глаз с Веры.

Она посмотрела на него, улыбнулась и, полуприкрыв гла-

за, с длинными пушистыми ресницами, прошептала:

– Тимка, мне так плохо без тебя, Тимочка.

Тимка улыбнулся, погладил её щёку тыльной стороной руки, наклонился и нежно прикоснулся губами к её губам.

– Я хочу обнимать тебя крепко-крепко, долго-долго и не бояться, что бабушка с дедушкой зайдут и увидят нас, – шептал он ей на ушко.

– Тимочка, – прошептала Вера, – я так сильно тебя люблю, что мне кажется, могу даже умереть, если долго тебя не увижу.

– Ты моя Дездемона, – нежно сказал Тимка, – я буду приезжать к тебе, не надо умирать, жди меня, мне ведь ещё в армию идти.

Вера смотрела на него, и у неё сердце сжималось от горя, она думала: «Мы никогда не будем вместе, я не смогу ему рассказать, что со мной произошло, а он будет думать, что я его не ждала и гуляла с парнями, пока он был в армии». Дверь внезапно распахнулась, дед, просунув голову, сказал:

– Молодёжь, хватит шептаться, пойдёмте завтракать, бабушка уже стол накрыла.

После завтрака Тимка с Верой пошли гулять, в парке с упоением обнимались, Тимка целовал Веру чисто, по-детски, нежно прикасаясь к её губам, Вера улыбалась, им было хорошо вместе. Замёрзшие и голодные, они вернулись домой. Бабушка, увидев их дрожащих от холода, быстро поставила чайник и накрыла на стол. Они ели горячий борщ со

сметаной и с пирогами, которые бабушка успела настряпать, пока их не было, и, переглядываясь, улыбались друг другу, а в их глазах плескалось счастье одно на двоих. После обеда Тимка поехал домой. Вера проводила его на автовокзал, они стояли и ждали автобус, а Тимка, крепко прижал к себе Веру и не отпускал, как будто боялся, что стоит ему чуть её отпустить и она упорхнёт от него. Вере было очень уютно в его объятиях, и ей очень не хотелось, чтобы Тимка уезжал, но он пообещал в следующий выходной снова приехать, и это её немного успокаивало. Пришёл автобус, Тимка заглянул Вере в глаза, чмокнул её в холодный нос, сказав:

– Не грусти, Дездемона, я скоро приеду к тебе опять, – сжал её руку и пошёл в автобус.

Вера стояла и грустно смотрела на парня. Когда автобус тронулся, она помахала ему вслед и стояла до тех пор, пока автобус скрылся из виду. Она возвращалась домой не спеша, и всю дорогу думала о Тимке, о родной школе, о деревне и свои воспоминания, как бусинки, нанизывала на ниточку, где-то улыбаясь, а где-то хмурясь. Вера вспоминала, как она усердно отбивала поклоны; отец, глядя на неё в эти моменты, оставался доволен, но он не слышал, какую молитву шептали губы дочери в это время, и о чём она так усердно просила Господа.

Вера, проводив Тимку, пришла домой грустная. Бабушка, посмотрев на внуку, подошла к ней, обняла и прошептала:

– Не кручинься, Верочка, неделя быстро пролетит, и он опять приедет. А когда уйдёт в армию, вот тогда времечко потянется год за два. Но наше дело ждать, а их – служить и нас защищать. Каждый настоящий мужчина должен служить в армии, это его обязанность.

– Бабушка, мы никогда не будем вместе, – грустно сказала Вера.

– Это ещё почему?

– Я это чувствую.

– Ну-у-у, милая, что ты можешь чувствовать заранее! Лучше думай о хорошем, и всё у тебя будет хорошо. А сейчас иди и займись уроками, у тебя скоро выпускные экзамены, надо хорошо подготовиться.

Вера пошла к себе в комнату, села за стол, открыла учебник да так и задумалась над ним о своём Тимке. Она думала, что будет, если она ему расскажет о том, что с ней произошло. Наверное, он не поверит. Нет, она не должна ему ничего говорить, потому что тогда придётся и про отца рассказать, куда он пропал и что с ним случилось. Неделя пролетела действительно быстро, наступил выходной день. Вера ещё спала, когда бабушка зашла к ней в комнату и, разбудив, сказала:

– Верочка, ты нас не теряй, мы с дедушкой поедем к нашим друзьям, к вечеру вернёмся. Ты позавтракаешь и садись позанимайся немного.

– Хорошо, бабушка, но я ещё немного посплю.

– Поспи, детонька, поспи.

Они уехали, Вера ещё повалялась немного, спать уже расхотелось. Она сходила в душ и только собралась завтракать, как раздался звонок в дверь. Вера открыла, на пороге стоял Тимка. Она, схватив его за куртку, быстро затащила в квартиру и с радостным визгом кинулась ему на шею, шепча:

– Тимочка, приехал! Я так соскучилась!

– Молилась ли ты на ночь, Дездемона? – спросил он с широкой радостной улыбкой.

– Молилась, придурок! Молилась, чтобы ты скорее приехал!

– Ты моя звезда, моё чудо любимое, моя Дездемона! – шептал Тимка, зарывшись в её густые волосы носом. – Потом, спохватившись, спросил: – А где бабушка с дедушкой?

– Они к друзьям поехали. Раздевайся, проходи, сейчас будем завтракать. Он снова улыбнулся и нежно коснулся её губ своими, потом ещё и ещё. Так они стояли в прихожей, прижавшись друг к другу, позабыв о завтраке и обо всём на свете. У них ещё ни разу не было такой возможности – побыть наедине. Тимка, обнимая и целуя Верочку, мечтал о том, когда они смогут в полной мере насладиться любовью, не спеша, познавая друг друга. Пока он не решался Верочке об этом сказать, боялся её обидеть и потерять.

– Жаль, что нам нельзя быть вместе всю ночь. – Тимка заглянул в Верины глаза и прижал её к себе.

– Тимочка, я тебя очень люблю, – сказала Верочка в ответ

и вдруг загрустила.

– Что-то случилось? – взволнованно спросил Тимофей.

– Нет-нет, – быстро сказала Вера, – всё нормально. Ты проходи, будем завтракать.

Она быстро накрыла на стол, они позавтракали, и Вера попросила:

– Тимка, помоги мне решить задачку, ну никак мне не даётся! Они пошли в её комнату, но только за ними закрылась дверь, Тимка обхватил Веру и стал целовать горячими долгими поцелуями, шепча на ушко:

– Верочка, любимая...

Она поняла, что ещё чуть-чуть и не сможет его остановить и тогда придётся объяснять ему, что с ней произошло, и Вера оттолкнула Тимку, не резко, но настойчиво. Он вдруг очнулся и смутился.

– Прости меня, Вера, я совсем голову потерял. Прости... И быстро очнувшись, весело спросил: – Так что у нас там, с задачками?

– С задачками у нас проблема, – в тон ему, ответила Вера.

Бабушка с дедушкой вернулись домой. Бабушка заглянула к Вере и увидела Тимку, они сидели, решали задачки. Тимка что-то ей объяснял. Услышав, как открылась дверь, и парень, и девушка повернули головы, Тимка поздоровался, бабушка кивнула и закрыла за собой дверь. Вскоре Вера сказала, что ему пора, Тимка обхватил её за плечи, прижал к себе

и, чмокнув в нос, заспешил на автобус. Вера пошла его проводить. Дошли до остановки, подождали, когда автобус стал подруливать к кучке людей, Тимка обнял Веру и прошептал:

– Не скучай, Дездемона, неделя быстро пролетит. – Прикоснувшись к её губам лёгким поцелуем, он запрыгнул в автобус и помахал ей.

Время для Верочки летело от воскресенья до воскресенья, потому что по воскресеньям к ней приезжал Тимка, в остальные дни Вера помогала по дому и занималась уроками. У Верочки появилась подружка из параллельного класса, которая жила в соседнем доме. Как-то Вера на перемене стояла в коридоре у окна и смотрела на голые деревья под окнами, на воробьёв, которые, весело чирикавая, перепрыгивали с ветки на ветку и, задумавшись, не сразу поняла, что кто-то стоит рядом и обращается к ней:

– Привет, подруга, меня Настя Лазарева зовут, а тебя как?

– Я Вера Скоробогатова, привет. – Она посмотрела на девушку и улыбнулась.

Девушка была симпатичной, с открытым добрым взглядом больших зелёных глаз в пушистых ресницах, русые волосы без резинок и заколок свободно лежали по спине чуть не до пояса, ростом Настя была немного ниже Веры.

– Скоро листвою покроются! – сказала Настя, кивнув за окно на деревья.

– Да, скорее бы, – сказала Вера.

– Пойдём после школы домой вместе? – предложила На-

стя Вере.

– Пойдём, если нам по пути, – улыбнувшись, согласилась Вера.

– По пути, по пути. Я тебя видела, ты в соседнем доме живёшь. Это здорово, что мы рядом живём, можем вместе ходить гулять или в кино, вечером возвращаться будет не страшно.

– Да я по вечерам не гуляю, – сказала Вера.

– А теперь будем гулять, не поздно, конечно, а так, чуть-чуть.

После уроков они встретились и пошли домой вместе. Девушки быстро сдружились, у Насти оказался лёгкий характер, она была общительной и позитивной. Когда первый раз пришла в гости к Вере, бабушке с дедушкой она понравилась. Как-то Настя подошла на перемене к Вере и сказала:

– Вера, пойдём, поищем, где потише, я тебе кое-что скажу.

Девушки побежали искать укромный уголок, выбежали из шумного коридора и устроились в холле, недалеко от выхода, за большим фикусом, где стояли два кресла. Настя быстро прыгнула в кресло и зашептала:

– Вера, у нас в Доме культуры будет дискотека, у меня есть два билета, пойдём?

– Насть, я не знаю, это так неожиданно, мне надо у бабушки с дедушкой спросить, вдруг они не отпустят.

– Вера! Как не отпустят? Это же дискотека! Там наших

будет много, мы не будем допоздна, потанцуем и уйдём пораньше, ну пойдём, пожалуйста, ну, Вера!

– Хорошо, только мне всё равно надо отпроситься, я не могу так надолго уйти без разрешения.

– А хочешь, я с тобой вместе к ним пойду тебя отпрашивать?

– Зачем? Я сама.

На дискотеку Вере разрешили пойти, но с условием, что она вернётся не поздно. Вера пообещала, тем более что Дом культуры был не очень далеко от дома, буквально в двух остановках. Настя зашла за Верой вся сияющая и красивая, Вера даже ей позавидовала. Бабушка заметила, с каким восхищением Вера посмотрела на Настю, а потом разочарованно осмотрела себя и нахмурилась. Бабушка взяла её за руку, увела в свою комнату и сказала:

– Верочка! Зависть плохое чувство, а себя ты зря недооцениваешь. – Бабушка подвела Веру к зеркалу и сказала: – Посмотри в зеркало, что ты там видишь?

– Нас с тобой, бабушка.

– На себя посмотри. Видишь, там стоит высокая красивая девушка с огненно-рыжей копной волос, каких нет ни у кого! Только у тебя! А какие красивые у тебя глаза, ты видишь? Ты, Верочка, в своём скромном наряде всё равно будешь самая красивая на этой дискотеке. А потом, обрати внимание, что наряд у тебя скромный, но кто разбирается, сразу поймёт, что он куплен не на распродаже. Тебе есть чем гордиться-

ся, внучка, голову выше, и помни, ты одна такая! А кто не способен тебя оценить так, как твой Тимка, тому рядом с тобой не место. Поняла?

– Да, спасибо, бабушка, я всё поняла.

– Вера?! Ну, ты скоро? Пойдём уже быстрее!

– Всё, бабушка, пойду я, а то Настька уже нервничает.

– С Богом! – бабушка перекрестила Веру вслед, сказав: – Храни тебя Господь, детонька!

Вера после бабушкиных наставлений чувствовала себя на вечеринке уверенно, её постоянно приглашали молодые люди потанцевать. Вскоре к ним подошли два молодых человека, которые потом на протяжении всего вечера от них не отходили, а после дискотеки вызвались их проводить до дома. Вера сразу отказалась, а Настя, оставив Веру на крыльце Дома культуры, со своим молодым человеком быстро удалилась в противоположную сторону от дома. Вера стояла на крыльце и смотрела в темноту, ей было страшно одной идти до дома. Молодой человек, стоя рядом, всё пытался её утянуть с собой. Вере было страшно покинуть этот светлый круг и шагнуть в темноту. И тут вдруг сердце её радостно забилось, в кругу света появились её бабушка с дедушкой, они пришли встречать внуку. Вера обрадовалась:

– Бабушка! Дедушка! Как хорошо, что вы пришли! Вы за мной или просто гуляете?

– Мы вышли прогуляться, да вот решили дойти тебя встретить, – сказала бабушка. – Ты как, Верочка, уже потан-

цевала? Домой пойдём?

– Да, пойдёмте домой! – Вера оглянулась, а молодого человека и след простыл.

– А где Настя? Может, она тоже пойдёт с нами домой?

– Настя встретила знакомого и ушла с ним.

– Это плохо, – сказал дедушка, – она подругу оставила одну, она меня разочаровала.

– Дедушка, да ещё не поздно, я бы одна дошла.

– Не в этом дело, Верочка!

Вера радовалась первым летним тёплым дням, с нетерпением ждала воскресенья и приезда Тимки. Она почти смирилась с тем, что им не быть вместе, но хотя бы ещё немножко... хоть чуть-чуть... хоть сколько-нибудь..., а потом – будь что будет. Незаметно подошло время экзаменов и выпускных вечеров. Накануне экзаменов Вера сидела и долгими часами готовилась. Прошли экзамены, отшумели весёлым гомоном с танцами, песнями и разноцветными шарами выпускные вечера, и у всех выпускников встал вопрос: «Что дальше? Куда идти? Куда поступать?» Вера подала документы в пединститут и стала готовиться к поступлению. У Тимки такой вопрос не стоял на повестке дня, ему через неделю будет восемнадцать, он решил пойти в военкомат, чтобы его забрали в армию. Поступать решил после армии, на заочное, чтобы устроиться на работу и не сидеть у родителей на шее. О чём он и сообщил Вере в свой очередной приезд к ней.

Вера расстроилась, а Тимка, обняв её на глазах у всех гуляющих в выходной день в парке, спросил, улыбаясь и заглядывая в её грустные глаза:

– Дездемона, ты будешь меня ждать?

Она посмотрела на него полными слёз глазами и, ничего не сказав, только кивнула.

– Вера! Ну, ты чего, плачешь, что ли? Год пройдёт незаметно, и мы опять будем вместе. Не плачь, Вера. – Он обхватил её лицо своими ладонями и стал целовать её мокрые от слёз щёки, она прижалась к его груди и заплакала горькими слезами навзрыд. Она не знала, как ему сказать о своём горе, а он искренне думал, что Вера не хочет с ним расставаться.

Нагулявшись вдоволь, Тимка с сожалением сказал:

– Верочка, мне надо ехать.

– Я провожу тебя, пойдём.

Вскоре Вера почувствовала себя плохо, стала остро реагировать на запахи, а однажды выскочила из-за стола, понеслась в ванную. Бабушка забеспокоилась, а дед с недоумением посмотрел вслед умчавшейся внучке. Из ванны Вера ушла в комнату и легла на кровать. Зашла обеспокоенная бабушка, села рядом с Верой и спросила:

– Вера! Ты беременна?

– Я не знаю, бабушка, я, наверное, отравилась, мне так плохо!

– У вас с Тимкой что-то было?

– Бабушка! Что ты такое говоришь?! Тимка хороший, он меня любит!

– Вот поэтому я и спрашиваю: у вас что-то было?

– Нет! Ничего у нас не было. Ну... мы... целовались.

– И всё?

– Да!

– Хорошо, тогда расскажи мне, с кем у тебя это случилось.

Беременными просто так не бывают. Внушенька, я не просто так спрашиваю, не из любопытства. Ребёнок – это очень серьёзно. Рассказывай. Я должна тебе помочь. Я рада, что у нас будет правнук или правнучка, но кто отец?

И Вера рассказала всё! Всё, что с ней случилось и что было потом. Что отец не в командировке и не пропал без вести. Бабушка была в шоке. Она решила, что от этого ребёнка нужно Веру избавить. Бабушка сказала:

– Верочка! Завтра мы с тобой пойдём к врачу, ты не должна оставлять этого ребёнка, он может быть неполноценным, не надо мучить себя и малыша.

Утром, когда Вера вышла из своей комнаты, увидела хмурого деда и озабоченную бабушку. Они позавтракали и пошли с бабушкой к врачу. В кабинет зашли вместе с бабушкой. Рассказали врачу свою проблему, врач осмотрела Веру и сказала, что срок беременности не позволяет сделать аборт. Бабушка заплакала и стала уговаривать врача избавить Веру от ребёнка. Врач категорически отказалась. Вера с бабушкой вышли из поликлиники, и пошли домой. Бабушка всю доро-

гу плакала, Вера шла грустная. Она не знала, что теперь делать. Отец испортил ей жизнь дважды: когда надругался, и теперь, когда у неё будет ребёнок от него. Теперь она поняла, что Тимку потеряла окончательно, и даже малюсенькой надежды не осталось на то, что они будут вместе.

Бабушка с дедушкой решили съездить к Александре. Они давно не были у неё. С тех пор, как зять Фёдор отлучил их от дома в связи с разногласиями вероисповедания. А теперь родители Александры, узнав все обстоятельства переезда Веры к ним и о беременности внучки, оказались у её двора. Постучали, послушали... Тишина. Постучали посильнее и услышали голос:

– Иду-иду.

Открылись ворота, и Александра от неожиданности ахнула:

– Мама, папочка! Как вы здесь оказались? Столько лет не приезжали!

– Не приезжали, потому что не приглашали! – в ответ сказал отец и раскрыл свои объятия.

Александра поспешила обнять отца, потом обняла мать и повела их в дом. Александра сразу засуетилась, стала накрывать на стол, она, как чувствовала, с утра приготовила борщ и напекла оладьев. За обедом Александра расспрашивала родителей, как там Верочка, как у неё дела в школе, помогает ли по дому. Родители ей всё рассказали, похвалили Верочку, сказали, что им теперь легче стало, потому что Ве-

рочка – молодец. Пообедав, перешли в комнату, и отец сказал:

– Ну, Александра, теперь ты рассказывай, как живёшь?

Александра задумалась, опустив глаза. Она не знала, как сказать родителям о том, что сотворила с мужем, и вообще, обо всём, что у них произошло. Александра боялась за их здоровье, но и смолчать не могла, потому что чувствовала, скоро всё раскроется, тогда удар для них будет сильнее, хотя куда уж сильнее. Она подняла на них глаза, они увидели и ужаснулись, какой больной у дочери взгляд и сколько в нём страдания. Мать охнула и спросила почти шёпотом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.